

Галина Сергеева

ПОЭМЫ

Галина Фёдоровна Сергеева

Поэмы (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27422624

Поэмы. Издание второе, дополненное и исправленное / Г.Ф. Сергеева.:

Сказочная дорога; Москва; 2017

ISBN 978-5-4329-0128-6

Аннотация

В книгу вошли поэмы, судьбы героев которых связаны с Котласом. Это просветитель Стефан Пермский, крестьяне Афанасий и Серафима, строители паровозного депо, железнодорожного моста и железной дороги Котлас – Вятка, связистка Валентина, путевой вагонный мастер Фёдор, машинист и инженер из посёлка Вычегодский... Читайте и любите наш город!

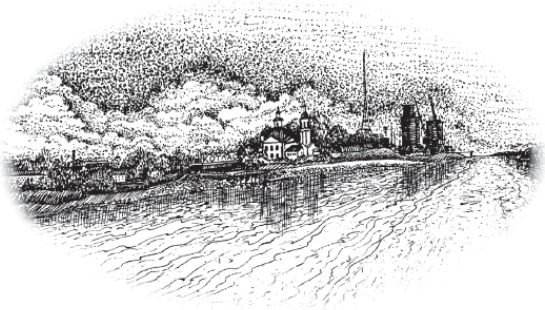
Автор

Содержание

Стефан Пермский	5
Афанасий и Серафима	15
Башкóв	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Галина Сергеева

Поэмы

Издание второе, дополненное и исправленное

© Сергеева Г.Ф. 2017

© Слибо И.Н., ил., 2017

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление,
2017

Стефан Пермский

*«Того же лета (1379) начал
Стефан у пермян на Пыросе и Виляде
и крести их святей вере...»
(Из летописи)*

Шла трёхлетняя девочка,
просто Мария,
В божью церковь,
за мамину юбку держась,
Вдруг монах перед нею
поклоны земные
Сотворил на коленях,
молясь и крестясь.

– Предо мною стоит
мать епископа Пермского, —
Молвил он
изумлённо глядящей толпе.
По весеннему Устюгу
чудо апрельское
Босоногою девочкой
в Вечность ушло по тропе...

Время шло,
и родился младенец без муки,
Наречён был Стефаном
и рос, окрылённый мечтой,
И уже покорялись ему
языки и науки,
И в Великий Ростов
направляется инок простой.

Подвизаясь в постах,
в чистоте и великом смиренье,

Был беззлобен, послушен,
и трезв, и умён,
И пред старцем седым,
и пред мужем разумным
с почтеньем
Преклонялся в стремлении
к новым познаниям он.

Переписывал книги святы
прилежно и скоро
И по-гречески в чтенье, письме

разумел уж весьма.
И, от матери с дедом
зырянскому выучась споро,
Дал зырянам для чтения азбуку
и для письма.

Ведь мечта смладу
голову хмелем кружила
И лишала Стефана
покоя и лёгкого сна,
На прекрасную Вычегду
страстно к зырянам манила
Беспокойного юношу
с пламенным сердцем она.

– Я спасу их,
заблудших во мраке, неверных,
Книжной грамоте
диких людей научу.
О епископе! Отче Господне!
Поверь мне,
Знаю я:
эта миссия мне по плечу.

Научу иль погибну
за светлую Веру святую,
За Христово ученье
достойную муку приму,
Смерть на Перми Великой

отныне лютует.

Отче! Книгу – не меч —
за Христа подниму...

Князь Димитрий Донской,
на Стефана надеясь отменно,
Повелел ему выдать иконы,
кресты и масла,
И икону священную
«Спас на убрусе»
посменно
Группа иноков
в дальний поход понесла.

Помолившись затемно
Господу Богу усердно,
Чрез Ростов и чрез Устюг,
знакомые с детства места,
Шёл отряд, и Стефан
был серьёзен безмерно,
И вела его вера,
манила святая мечта...

И пришли они
в место зырянское Пы́рос,
Что у входа в красавицу Вычегду
дивно легло,
И такая краса
перед взором пришедших

открылась,
Что от этого дивного дива
дыханье светло.

Жили здесь наши предки,
зыряне-пермяне,
Жили просто,
пахали и сеяли рожь
И до Выми и Вятки
богов почитали не в храме,
А в открытых святилищах,
или кумирницах тож.

Средь богов —
и куница, и белка, и соболь,
Козы, овцы, волы
и таёжный медведь,
Также Солнце, Вода и Огонь
(Бог особый),
Всех их нужно задобрить
и кровью помазать успеть.

Верил свято Стефан,
что язычники дики,
Что в Христовом учении
смысл и душа бытия,
Просветить всех возможно,
разрушив кумирные лики,
И к спасенью зырян приступил он,

молитву твоя.

И со словом святым
обратился он к людям призывно,
На зырянском, родном,
материнском, вещал языке,
К единению звал
раздираемых злобой надрывно
И к вогуличам, вятичам, вымичам
шёл налегке.

И ему помогала
в Иисуса вера святая,
Когда жёг истуканов,
рубил их с размаху, сплеча,
Сокрушая столбы
и кумирницы в прах разрушая,
И берёзу священную
сек топором сгоряча.

Он волхвов не боялся
и гнева богов не страшился,
И в огонь шёл бесстрашно,
святую молитву творя,
На богатство чужое не зарился
и от врагов не таился,
И под знамя Христово
вставали зыряне не зря.

Ну а кто не вставал —
уходили по рекам подальше
И с собой деревянных кумиров
отважно несли.
И не ведали, их ублажая
без всяческой фальши,
Что Христово учение
к ним подойдёт и вдали...

А для новых уж чад
зложил Стефан
церковь святую,
Озарив теплою
великой и страстной любви,
Как невесту, украсил
и верил: теперь, не воюя,
Будут счастливы люди
с Христовым ученьем в крови.

И на этом же месте
Стефановский храм
возрождённый
Украшает наш город
и дарит тепло и покой.
А за дело благое
в епископский сан
возведённый,
Стал Святым и Великим
отважный зырянин простой.

2000

Афанасий и Серафима

«Назовём поимённо»

Продолжаем печатать имена земляков – жертв сталинизма.

...Вахрушев Афанасий Иванович, 1878 года рождения, уроженец д. Выставка Спиридоновская Котласского района. Проживал по месту рождения...

Газета «Двинская правда» 2 ноября 1990 г.

Серафима в девичестве
многих пленяла

Красотою, и статью,
и русой косой,
На работе не видели,
чтоб уставала,
И на луг, и на пожню
ходила с росой.

Заливалась и пела
у дома гармошка,
И лицо розовело,
как маковый цвет.
И для дочери Фёдор
скопил уж немножко,
И с приданным сундук
был готов дать ответ.

Только девичье сердце,
поди-ка, изведай,
Как, к кому повернётся
и чем одарит,
И когда по весенней тропе
непоседа
На свиданье
к опушке лесной побежит.

Серафимино сердце
познало смятенье,
И девический трепет
ему был знаком!

Покорил Афанасий её на Успенье¹,
Когда в церкви стояла,
накрывшись платком.

Он – постарше,
и будто мужик,
а не парень.
Черноват, не похож
на других и силён,
И молва о нём —

¹ Православный праздник Успения Пресвятой Богородицы всегда отмечается 28 августа.

девку кидала в испарину!
Мол, тулупы тачает
овчинные он.

И имеет машинку
(шьёт кожу и ткани),
Что закажут, исполнит
в размере и в срок,
И в лесу, и на пашне
не скоро устанет,
Знать, жених он завидный, —
твердился урок...

И посватался парень —
и свадьба на диво,
Вся деревня гуляла,
и пол ходуном,
Новобрачные были
милы и красивы,
И невеста при всех
обнялась с женихом...

А потом пошли парни
впритык друг за дружкой,
И наделы уж больше,
и дом хоть куда:
Пятистенок срубили
с зимовкой избушкой,
Да амбары, да баню —

всё есть от труда.

Афанасий гордился:
хозяйство исправно,
А жена год от года
родней и милей,
И девчонок уж трое,
а главное – парни,
Аристарх с Капитоном,
растите скорей!

Подрастайте и девки,
и всё – честь по чести:
Всемером выйдем в поле
на праздник души,
Как землице поклонисься,
будто невесте,
И посеешь с умом —
и хлебá
хороши.

А коль хлеба в достатке
и вёл сенокос ты,
То и снежную зиму
не страшно встречать.
Застрекочет машинка,
и тоже до пота
Деревенский портной
будет шубы тачать...

Но тридцатый год страшный
стоял на пороге
И мечтам и надеждам
черту подводил.
Афанасий бессонно
томился в тревоге
И у Бога лишь милости
к детям молил...

– Собирайся! – Пришло,
стало быть, его время,
И судьба отвернулась,
проси – не проси...
– Ты кулак, Афанасий,
кулацкое семя
Подчистую, под корень
должно известись.

Где машинку-то спрятал?
Найдём, раскопаем!
Знают все,
что поддёвки,
кафтаны строчил...
– Эх, отец, для чего ты
сиреневым маем
И портняжному делу
меня научил?..

– Ты в работе будь, парень,
всегда аккуратен,
И не дело мужское —
лежать на печи, —
Говорил ты, а я
с детства был на подхвате,
Ну а нынче что ж вышло?
Хоть криком кричи!..

Срам какой! На телеге везут,
будто вора,
И в тюрьму, в город Устюг!
За что? – Укрывал! —
Я такого не видывал
в жизни позора!
И зачем, неразумный,
детей нарожал?!

Младшей нет ещё года!
Как хлеб не укроешь?
Ведь амбары вчистую метут,
хоть умри!
И управы не сыщешь,
хоть волком завоешь,
Продналоги лютуют —
в два глаза смотри!

А машинку-то думал
сберечь для девчонок

И сестре как приданое
вроде бы дал,
Ан, не вышло! Придурок,
ленивый с пелёнок,
Всё завистливым глазом
везде увидал...

Серафима-то свету не видела,
бедная,
То скотина, то поле,
опять сенокос,
Да за юбку – орава,
грудная – последняя!..
Я не счастье, а горе
семейству принёс.

Вы простите мне, дети,
прости, Серафима,
Что любовь моя
слёзы лишь вам принесла,
Что во время лихое
теперь вас покинул...
И не знать бы мне век
моего ремесла...

Мысли горькие
спать не давали ночами,
Всё казалось, что будто
во всём виноват,

А тюремные нары
уж стоном стонали
Под мужскими боками,
и мыслям не рад...

А в деревне меж тем
загибали всё круче:
Жён кулацких, сказали,
теперь повезут,
И опять: «Собирайтесь!» —
А девки все в кучу,
Обхватили ручонками мать
и ревут.

– Дайте девку-то
хоть покормить,
супостаты!²
Что вы, изверги, что ли,
ведь ей только год!
И за что нам, несчастным,
такая расплата?
За труды наши, видно,
теперь мой черёд.

– Ты прости, Катерина,
детей оставляю,
Ведь погибнут в краю
незнакомом, чужом!..

² Супостат (старинное слово) – негодяй, злодей.

Край родимый,
в слезах я тебя покидаю,
И придётся ли свидеться,
плачу о том.

Вот корову
уже привязали к телеге,
Вишь, и ты виновата,
бурёнка, как я.
И куда же нас?
Будто к Макарихе едем,
Значит, к Котласу
нынче дорога моя...

Вот сбежались соседки
и плачут, зная, жалко
Им меня и детей
неразумных моих.
– Помолитесь вы, бабоньки,
нас ведь на свалку,
Вишь, везут, как бродяжек
бездомных каких.

А ведь дом-пятистенок
мы строили сами,

Надрывались в лесу,
как таскали кряжи³,
И с рассветом всегда на ногах.
Чудесами
Не обласканы Богом...
Посевами ржи

И овса, да и жита
натружены спины,
Разве б что уродилось
без мук и забот?
А теперь наказала нас
злая судьбина
За старанье на поже,
за муки и пот.

– Ты прости меня, Ирушка,
младшая, бедная,
Сердце кровью сейчас
обольётся моё!
Я тебя покидаю,
ведь сгинешь, болезная,
Если будешь со мною
делить бытиё.

Катерина, святая,
троих приласкала,
Бог не дал ей детишек —

³ Кряж – толстый короткий обрубок бревна из близкой к корню части дерева.

родить не пришлось.
А теперь вот мои —
Ира, Маша, Тамара...
Как от них отрывалась,
так сердце зашлось...

Капитон-то,
четырнадцать только, —
подросток,
Вишь, примолк, приуныл,
но слезы не видать,
Знать, мужик весь в отца,
хоть и малого росту,
Следом едет в края,
куда выслана мать...

А печальный обоз
с болью, горечью слёзною
Между тем растянулся.
Коровы бредут,
Плачут дети, что с матерью
едут, болезные,
У кого нет родных,
чтоб оставить их тут.

– Вот и речка-кормилица,
рыбу ловили тут,
Помню, раз Афанасий
стерлядку поймал:
Вот ушица-то знатная,
кости как вынуты,
Точно, слаще еды
никогда не едал!

Вот и Котлас.
Невесело в городе, пасмурно,
Под ногами у лошади
сырость и грязь,

А Макариха – кладбище,
так уж назначено,
Шалаши из жердей —
век бы не было вас.

Ну, давай, Капитон,
проходи, вот и нары.
Не смотри, не смотри,
что тут два этажа,
Будем вместе внизу —
потеплее на пару,
Ведь не в жаркую пору

нас здесь сторожат.

Жерди хоть бы стесали,
смотри – осторожней,
Не поранить бы руки —
проколешь насквозь...
Да, тут будет нежарко,
прогреть невозможно:
На барак две печурки,
подбрось – не подбрось.

Да и пол-то из снега,
под снегом – болото,
Мы ведь нынче не люди,
жильё – как скоту...
А бурёнку увёл
за верёвочку кто-то,
Помолись за неё —
за её доброту.

И лошадку забрали,
а взял жеребёнком,
Малышом Афанасий,
ходил, как хмельной,
И возился без срока,
как с малым ребёнком,
И мечтал с ним работать
на пашне весной...

Серафима нелёгкие думы
сплетала,
Неотвязно девчонки
стояли в глазах,
А сама одеялом
постель застилала,
Что с собой удосужилась
взять впопыхах.

А барак наполнялся:
тут бабы с мужьями...
И малые дети —

как много детей!..
А старух-то зачем
пригонять с батожьями?⁴
Уж какой вред, спроси,
от соседки моей?..

Стонет, крутится,
кости болят, знать, к погоде,
Всё никак не уляжется —
тут ведь не печь...
И ребёнок всё плачет,
как Ирушка вроде...
Как хотелось мне девкам
наливок⁵ испечь!

Со сметанкой, с картошкой —
уж то объеденье:
Сверху корочка, с маслом —
язык б проглотил!..
Да с зимы привязалось
к нам невезенье,
Афанасий-то, бедный,
вот муки хватил,

Как коров отбирали
и гнали овечек,
Как описывать к нам

⁴ Батог – палка, толстый прут.

⁵ Наливка – ватрушка, политая сметаной.

приходили тряпье...
Всё, трудом нажитое,
продали с крылечек,
Мы остались в чём были, —
осталось старье...

Нет от думы спасенья,
и сон убегает,
Ночь уже на исходе,
а баба не спит,
То молитву Спасителю
молча читает,
То о горестях с мужем
в слезах говорит...

А назавтра наряд —
на лесные делянки,
Повезли под конвоем
всех баб и детей
Лес валить для барачков,
таскать на полянку —
Много нужно стране
нынче трудлагерей!

Нужно строить посёлки
для спецпоселенцев⁶,
Так кулацкие корни
рубили сплеча,

⁶ Спецпоселёнец – лицо, выселенное из места проживания.

Кулаки в отдалённых местах,
как туземцы,
Жизнь с азов начинали,
кляня палача...

А пока пересылка
людей уносила:
Умидали детишки
от всяких мытарств,
Умидали и взрослые,
многих скосила
Смерть. Привольно ей было
косить без лекарств.

Хоронили умерших
в большущих могилах,
Плотно клали,
чтоб места поменьше занять,
Без одежды, ведь тело
навек остыло,
А живым пригодится —
тут дрожь не унять.

– Хоть зима на исходе,
но часты морозы,
И куда-то бы нас
поскорей увезли,
Чтоб от холода здешнего
стылой угрозы

В тёплый дом поселиться
с промёрзшей земли...

— Мама! Мама! —
кричит Капитон. —
Был отец тут,
Из тюрьмы его
«тройкой» судить привезли,
Он сказал, что теперь
будем жить по соседству,
И его в тот барак
от меня увели.

Ноги сильно натёр —
дал ему я портянки,
Да и валенки чёрные тоже отдал,
Он сказал, что закончится
суд спозаранку
И что он нас найдёт
очень скоро, сказал.

Серафимины ноги
её не держали,
Уж сидела на нарах,
а слёзы лились,
Счастье с горем
в предчувствии встречи
смешались,
И в молитву с надеждой

слова облеклись.

– Вот уж стало темнеть —
не идёт отчего-то?

Капитон, ты сходи-ка
и всё разузнай,
Может, их увезли
прямиком на работу?
Ведь у них нет стыда,
да и жалости, знай.

Капитон подбирался к суду
осторожно,
Чрез пути прошмыгнул,
подошёл стороной
И спросил у охранника
с сердцем тревожным,
Где отец может быть
этой поздней порой.

– Опоздал! – тот, зевнув,
отвернулся от парня. —
Всех уже расстреляли,
в могиле отец.
– Да и ты покрутись тут, —
вмешался напарник, —
Так тебе тоже быстро
наступит конец...

«Боже мой! Как он матери
скажет такое?!

Ведь не выдержит:
сердце ослабло совсем...»

Нет! Не знать уж тебе,
Серафима, покоя:
В этой жизни случилось
пожертвовать всем!

Потеряла и дом, и детей,
и кормильца,
Всё как есть потеряла.
Поругана честь...
Афанасий, чего же ты
в жизни добился,
Хоть трудов твоих праведных
было не счесть?

Ты молчишь.
И никто никогда не узнает,
Как до самой последней
минуты своей
Всё не верил,
что яму себе он копает
И уже никогда
не увидит детей.

Что он сделал?
Кого обокрал иль обидел?..

Так за что? – вот извечный
и страшный вопрос.
И не мог он
в далёком тридцатом увидеть,
Сколько будет проклятий
в бессилии слёз...

Наступила весна —
потекли нечистоты,
Вонь вокруг шалашей,
грязь, и сырость, и смрад.
Люди падали в обморок,
мучились рвотой —
Пересылка весной
превратилась вдруг в ад...

Наконец тот приказ:
с пересылки – в Печору,
И посёлок Усть-Воя —
конечный маршрут;
И на баржах людей,
как в какую-то прорву,
В ненасытное брюхо,
как стадо, везут...

– Капитон, как же ты
без копейки и хлеба?
Горемычный, один,
разлучённый со мной?

Отпустили в деревню,
а тут перемены,
И с тобой разминулась я
горькой судьбой...

И не знала она,
что придётся скитаться
И людей избегать
её сыну в лесах,
Что опять Катерина
(с ней век не сквитаться!)
Помогла ему выжить
в родимых местах.

Что отныне в далёком краю
год за годом
Жизнь придётся ей строить
вдали от детей,
Только в тридцать седьмом
на речном пароходе
Привезёт Капитон
к ней её дочерей.

Мать руками всплеснёт:

«Ира, Маша, Тамара!
Как вы выросли! Господи!
Как вы и с кем?»
И стоит Капитон
в стороне у амбара —
Сын, не узнанный матерью,
взрослый совсем...

А Макариха кладбищем

станет уж подлинным,
И теперь там хоронят
умёрших и чтят...
А над теми могилами
только лишь холмики —
Одинокий, забытый
и горестный ряд.

1992

Башкóв

Башкóву Фёдору Ивановичу

Башкóвы мы, а значит башковиты.

Сибирь. Бескрайние пшеничные поля.
Зимою снежным саваном укрытый
Мир деда и отца – моя земля.

Мой дед – из мужиков, силён и крепок,
И ростом вышел, и умом богат,
Два сына, в точности фамильный слепок,
И дочерей и внуков – длинный ряд.

Не знаю, был ли кто любим, я – не был:
Ершист, заносчив, горд – не уступлю.
Хоть он мне дед, но за краюху хлеба
Обиды, униженья не стерплю.

Я сирота, судьбой обижен круто:
Отец погиб на фронте – мне был год.
Шесть душ у матери – раздеты и разуты,
И хлеба нет, и дел невпроворот...

То белые, то красные – все грабят:
– Давай! Давай! – А что тут можно дать,
Коль беспредел давно уж миром правит
И впереди просвета не видать.

И вот уж белые уводят нашу лошадь,
А мать вцепилась в гриву: «Не отдам!».
А нас, детей, от страха всех колотит,
Испуганные, жмёмся по углам.

Схватили мать, затеявшую драку,
Хотели расстрелять, но офицер:
– Позорно против баб ходить в атаку, —
Сказал, нахмурившись, и отменил прицел.

Мать отпустили, только что же дальше?
Ни лошади, ни хлеба, ни муки.
И мы пошли по людям, кто постарше:
Земля, дрова, покосы у реки...

И я – батрак у собственного деда.
Дед был кулак, работников – не счесть,
И круглый год с зари и до обеда
В большом хозяйстве всем работа есть.

После обеда отдых – честь по чести,
Дед был хитёр – работников щадил.
Потом до сумерек я с мужиками вместе
Снопы в гумно на обмолот возил.

Зимой – навоз, солома, возка сена,
Весной на пашне деда – всё село,
А летом сенокос идёт на смену,
А осень – это хлебное тепло.

Мне по плечу тяжёлая работа,
Я в десять лет уж был богатырём:
И топором махать имел охоту,
И воз направить мог одним плечом.

И горд был – не прощал ничьей обиды.
Раз в Пасху сели все за длинный стол,
А дед, гордясь, сказал с довольным видом:
– Вишь, и рубаху Федька приобрёл.

А был бы дома – в нищете и голи,
Молись на деда – будешь сыт и пьян.
Я встал и вышел: хватит мне неволи,
И хватит деньги класть в чужой карман.

И стали с братом на себя работать —
И день, и ночь пахали целину.
Рубахи сгнили на плечах от пота
В ту тёплую и раннюю весну.

Посеяли прекрасную пшеницу,
Заколосились тучные поля,
Которым, как казалось, нет границы —
Была к нам щедрой матушка-земля.

Мы называли сорт красноколоской,
Его я позже не встречал нигде:
Как проволока, стебель прям и жёсток,
Не сломится ни при каком дожде.

А как подует ветер, будто волны
По полю движутся – вольны и широки,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.